

В последнее время Август начитался анонимных статей и песен, сочинённых аристократами прошлых веков для высмеивания поста. Они хотели протестовать, но боялись раскрыться, поэтому отводили душу в язвительных памфлетах и балладах. Август наслаждался — английский чёрный юмор особенно хорош в подобной ядовитой форме.

Однако карнавал порой выходил из-под контроля. И в этом крылась уязвимость, которой можно было воспользоваться против титулярного епископа.

Компания подвыпивших юнцов совершила нечто, что случалось каждый год, но на сей раз перешла все границы — они напали на бордель и театр.

Эти заведения полагалось закрывать на время Великого поста, поэтому некоторые использовали карнавал как предлог для похабных выходок, давая волю низменным инстинктам.

На этот раз всё зашло особенно далеко: они ворвались в весьма фешенебельный бордель и...

застали там нескольких священников, которые в обнажённом виде вели с проститутками (а также проститутами) беседы как душевные, так и телесные.

Было уже за полночь, то есть карнавал формально завершился, и всем следовало с тяжёлой головой начать воздержание от мяса и плотских утех. Однако по неписаному правилу гуляния обычно длились всю ночь, а пост начинался с рассветом.

Но правило было неписанным, и если настаивать на букве закона, эти священники явно нарушали пост.

— Какая связь между священниками в борделе и титулярным епископом? — поинтересовался отец Джо накануне начала операции.

Как человек, с детства избалованный и не привыкший себе отказывать, он не имел опыта в интригах. Иначе, будучи выходцем из семьи Медичи, он не был бы вынужден бежать из страны под гнётом папы Борджиа.

— Ты и сам догадываешься, просто ленишься думать, — точно подметил Август.

— Попал в яблочко! — Отец Джо не смутился, а даже возгордился. — Зачем напрягать мозг, если можно просто спросить? Ты меня прекрасно понимаешь.

Август и вправду понимал отца Джо, ведь... в этой жизни он и сам мыслил так же. Если он был уверен, что человек не причинит ему зла, то не утруждал себя размышлениями над сложными вопросами. Как говорил Рафаэль, его новый статус герцога был компенсацией за прошлую жизнь, и он намерен был наслаждаться, а не изматывать себя.

Быть беззаботным ребёнком — что может быть лучше? Смеяться, когда весело, плакать, когда грустно, не нужно быть всегда сильным.

Впрочем, Август считал, что всё же чуть разумнее отца Джо. Он хотел продлить детство, но не собирался оставаться инфантилом и взрослым. Он тоже учился и рос, хоть и... медленновато.

— Священникам в борделе достаточно одной фразы, чтобы пригвоздить к позорному столбу и титулярного епископа, — пояснил Август.

— И какой же?

Очень простой — «Мой учитель — титулярный епископ». В сопровождении стандартных криков избалованных щенков вроде: «Да ты знаешь, кто я?», «Я тебя запомнил!», «Потом с тобой разберусь!» и тому подобного. Идеальный рецепт, чтобы разжечь народный гнев.

А уж приведёт ли это к падению титулярного епископа или дело заглохнет — зависело от его умения выйти из кризиса и от того, насколько могущественны его враги.

При должной обработке общественности власти будут вынуждены начать расследование. А такой человек, как титулярный епископ, конечно, не был чист. Раньше ему всё сходило с рук, потому что все закрывали глаза. Но теперь, при наличии улики, его ждала неминуемая гибель.

Более того, его могли сделать «козлом отпущения» — чтобы народ верил, будто Церковь в целом чиста, а грешат лишь отдельные лицемеры, коих и накажут со всей строгостью.

Были ли у врагов титулярного епископа достаточно сил?

Рафаэль лишь загадочно улыбался.

Если не хватало качества, сгодилось и количество. Нрав титулярного епископа уже успел нажать ему врагов повсюду — и внутри Церкви, и среди знати, и среди богатых купцов, недовольных его поведением.

Церковь олицетворяла Бога, знать имела власть, купцы — деньги. Сочетание этих трёх сил делало спасение титулярного епископа невозможным. Если бы ему удалось увернуться, Рафаэлю пришлось бы признать в нём достойного противника. Но такого не случилось.

Рафаэль просто разослал план и компрометирующие материалы на столы всем недругам — дело было сделано.

Получившие «подарок» враги отлично понимали, что их используют, но всё равно действовали чётко по плану — движимые ненавистью и корыстью. В мире, где правят интересы, всё просто: если ты вредишь моим интересам, я тебя уничтожу; если твоё падение принесёт мне выгоду, я сделаю это без колебаний. Найдётся множество желающих пойти на сделку с дьяволом, если цена будет стоящей.

Ученики титулярного епископа были схвачены ночью, а наутро история уже попала в газеты.

Такая скорость не оставляла сомнений: за этим стояла чья-то влиятельная рука.

По примеру лондонских еженедельников, в Бристоле тоже имелась своя официальная газета, хотя издавалась она не ради прибыли и выходила бессистемно — лишь когда случалось что-то важное. Иногда выпуски печатались ежедневно, а порой не появлялись по месяцу. Короче говоря, это была просто игрушка власть имущих, чтобы контролировать общественное мнение.

Бристольские газеты, конечно, не могли сравниться с современной прессой, но люди Средневековья, не избалованные информационным потоком, верили каждому слову.

Уже через несколько дней о «громком» скандале в епархии Бристоля знали даже в соседних графствах.

Сначала титулярный епископ не придавал газетным публикациям значения, рассчитывая, как

обычно, откупиться.

Но на этот раз ситуация вышла из-под контроля. Скандал разросся, как снежный ком, все только об этом и говорили, и даже те, кто прежде брал взятки, теперь делали вид, что не знают его, боясь быть замаранными.

Не имея опыта в информационных войнах, титулярный епископ начал совершать ошибку за ошибкой. Сначала он жаловался и бранил всех вокруг, потом продолжил вести себя по-прежнему, затем перешёл к угрозам и даже не прекратил посещать бордели. Но что бы он ни делал — на следующий день всё появлялось в газетах.

Когда он наконец осознал, что лучше бы залечь на дно и переждать, пока всё забудется, — было уже поздно. Никто не собирался давать ему второй шанс, каждое его слово теперь разбирали по косточкам.

Не приходилось сомневаться, что столь чётко спланированная атака была делом рук Рафаэля.

Даже гравюры в газетах, спешно вырезанные и отпечатанные, были выполнены художниками, которых Рафаэль рекомендовал издателям. Цена была умеренной, а мастерство — отменным.

В конце Средневековья, до наступления Ренессанса, живописцев ещё не считали художниками в высоком смысле; это были ремесленники, выполнявшие механическую работу — будь то роспись церквей одними и теми же библейскими сюжетами или создание портретов для знати. Нельзя сказать, что в их творениях вовсе не было души — среди них попадались и настоящие мастера, забытые историей. Но важно другое: средневековые рисовальщики были виртуозами в быстрых набросках и копировании.

Хотя Рафаэль был ограничен технологиями своего времени и не мог создать фотографию, о которой рассказывал Август, он нашёл иной путь — обучил группу быстрых рисовальщиков, осуществив первую в истории средневековой газеты иллюстрированную публикацию.

Как любил говорить Август, «лучше один раз увидеть».

<http://bllate.org/book/15929/1424112>